

Возведение новых и расширение старых православных церквей приветствовалось и поощрялось царской властью. Но это не значит, что бюджетные средства в те времена выделялись в таких же масштабах, как сегодня на воссоздание древних соборов. За счет государства православное строительство оплачивали лишь, когда из той или иной епархии в Синод поступало аргументированное ходатайство. В таком случае проект и смета подлежали обязательному рассмотрению в Хозяйственном управлении Синода (за исключением случаев, когда затраты не превышали 10 тыс. руб.).

Поэтому реализация проектов, требовавших крупных казенных средств, затягивалась на долгий срок. К примеру, внутреннее оформление и росписи Владимирского собора длились более 11 лет. Руководитель работ профессор Адриан Прахов в 1884 году, по-видимому, сознательно пошел на занижение сметной суммы, исчислив ее в 147124 руб. 37 коп., чтобы власти поддержали его проектное предложение. На самом же деле монументальные работы в интерьерах собора стоили около 400 тыс. руб., и разницу Прахов «выбивал» с бесчисленными ухищрениями и большими задержками.

Чаще всего финансирование православного строительства осуществлялось из внебюджетных источников. Они были разнообразными. Так, практически все православные структуры, кроме обычных поступлений за церковные требы, от продажи ритуальных предметов, реализации мест под захоронения и т. п., хранили в банках неприкосновенные капиталы, формируемые благодаря пожертвованиям доброхотов (часто в форме завещаний). На капиталы начислялись проценты, используемые для надобностей прихода. А в исключительных случаях, с разрешения епархиального начальства, для покрытия строительных затрат использовалась и часть капитала.

Впрочем, как показала практика, до этого доходило редко. Даже если дело церковного строительства начиналось при минимальных начальных средствах, во многих случаях прихожане уже в ходе работы оказывали необходимую поддержку — деньгами, стройматериалами или рабочей силой.

Некоторые православные культовые здания Киева полностью возведены на пожертвования частных лиц. Наиболее ярким и впечатляющим в истории Киева

примером такого добротства стало создание и развитие Покровского женского монастыря. Обитель основана великой княгиней Александрой Петровной, урожденной принцессой Ольденбургской. Она с 1880 года жила в Киеве, где поклонялась местным святыням и получила облегчение от тяжелого недуга. Великая княгиня решила основать в городе на собственные средства монастырь и устроить при нем благотворительное медицинское учреждение. В 1888 году она приобрела для будущей обители участок на Лукьяновке общей площадью 6 десятин (свыше 6,5 га). По заказу великой княгини епархиальный архитектор Владимир Николаев подготовил проект многочисленных монастырских построек. Закладка состоялась в январе 1889-го, и уже в мае того же года великая княгиня известила митрополита Киевского и Галицкого Платона о своем намерении основать новую женскую обитель во имя Покрова Божьей Матери с больницей, амбулаторией для неимущих и бесплатным училищем для девочек, пожертвовав ей землю со всеми постройками и приняв содержание насельниц и всего комплекса на собственный счет.

В дальнейшем территория монастыря была расширена; больница обзавелась прекрасными кирпичными корпусами, чему способствовал сам царь Николай II, побывавший в обители двоюродной бабушки. А в течение 1896-1911 годов в монастыре был возведен грандиозный Николаевский собор, ставший крупнейшим храмом Киева. Начало его строительства шло довольно быстро, но в 1900 году августейшая благотворительница скончалась. Еще при жизни Александра Петровна обеспечила свой монастырь постоянными доходами, однако на дальнейшее возведение собора этих денег могло уже не хватить.

И все же работы, хотя и замедлились, были успешно завершены, и при этом из бюджета империи на них не поступило ни единой копейки. После возведения собора специальный строительный комитет отчитался в затраченных средствах в размере 392 257 руб. 90 коп. Из них чуть более 150 тыс. руб. пожертвовала великая княгиня, 50 тыс. руб. — знаменитый филантроп Никола Терещенко и его супруга, более 40 тыс. руб. — другие благотворители; 70 тыс. руб. изыскал из своих внутренних средств монастырь, еще около 9 тыс. руб. персонально пожертвовали его настоятельницы. А остаток суммы понемногу собрала вся страна — в ходе официально разрешенных кружечных сборов на постройку.

Также на пожертвования была возведена Благовещенская церковь на нынешней улице Саксаганского — приходской храм жителей местности Паньковщина. Решающую роль в постройке этой церкви сыграл городской голова — зажиточный купец греческого происхождения Иван Толли. В июне 1885 года он пожертвовал 75 тыс. руб. на новый храм, благодаря чему осенью 1887-го церковь Благовещения была уже освящена. Иван Толли не дожидаясь нескольких месяцев до этого счастливого события. Со временем в

Благовещенском храме устроили усыпальницу, куда был перенесен его прах. К сожалению, место погребения бывшего городского головы в 1935 году исчезло вместе с церковью, сооруженной на его деньги...

Впрочем, в летописи Киева есть пример того, как усыпальница благодетеля пережила трудные времена. Речь идет о надгробии известного предпринимателя-филантропа Михаила Дегтерева, на средства которого выстроили Михайловскую церковь в городской Александровской (ныне Центральной клинической) больнице. Михаил Парфентьевич уплатил около 50 тыс. руб. за возведение в 1893-1895 годах больничного храма и подарил его городу. После кончины, в январе 1899 года (по новому стилю), благотворитель был похоронен у северной стены своей церкви. Вскоре его вдова Елизавета Ивановна значительно расширила храм новой колокольней, а также пристройками, под одной из которых находилось захоронение ее мужа.

Потом настали атеистические времена, и в 1931 году церковь разобрали на кирпич. Остался цоколь с подвалами, заваленными землей. А уже в наше время при Городской центральной клинической больнице начала действовать церковная община. Она взялась за возрождение храма, ныне успешно осуществленное. Начали с того, что расчистили от земли и грязи цоколь Михайловского храма. И летом 1999 года освободили от завала спуск в усыпальницу Михаила Дегтерева, где в целости и сохранности обнаружено надгробие филантропа — массивный лабрадоритовый саркофаг.

Нередко средства на новое строительство храмов поступали благодаря хозяйственной оборотистости самих приходов или монастырей. Государство предоставляло культовым православным учреждениям империи не только землю под монастырские усадьбы и храмовые погосты, но и доходную недвижимость — земельные участки в городе или угодья за его пределами, которые можно было сдавать в аренду. При необходимости то же делали и с частями погостов.

Так, в мае 1908 года причт и староста Покровской церкви на Соломенке обратились в Киевскую духовную консисторию с таким ходатайством: «При Киево-Соломенской Покровской церкви числится 2 десятины 800 кв. сажен (свыше 2,5 га. — Авт.) церковной земли. Из этой земли не более половины занято на непосредственные церковные надобности, остальная земля стоит свободной и не приносит никакой пользы. Между тем нужды Соломенской церкви весьма велики. Предстоит расширение храма, устройство причтового дома... Так как земля Киево-Соломенской церкви находится в весьма оживленной местности — вблизи вокзала, то наиболее выгодным использованием ее было бы устройство на ней доходных домов. К сожалению,

Киево-Соломенская церковь не обладает никакими средствами для этой операции. Посему церковный совет при Киево-Соломенской Покровской церкви в заседании своем 16 апреля сего года по вопросу об использовании свободной церковной земли постановил: измерить свободную церковную землю, разделить на участки и уполномочить причт и старосту испросить разрешение Епархиального начальства на сдачу этих участков в долгосрочную аренду». Консистория, хотя и с большой задержкой (в марте 1909 года), одобрила этот замысел. Вследствие его реализации образовался ряд усадеб, была проложена новая Платоновская улица. А храм обзавелся деньгами на последующую значительную реконструкцию.

Зажиточные приходы и монастыри сооружали на городских участках многоэтажные доходные дома, что сулило более значительную выгоду, нежели хранение тех же сумм в банке. Такой подход поддерживался Киево-Софиевским митрополитанским домом. Поступления за аренду недвижимости на территории усадьбы Софийского собора шли на удовлетворение нужд как собственно собора, так и митрополитов киевских. Именно с этой целью были сооружены капитальные, недавно надстроенные жилые дома на Софийской площади и в прилегающем Рыльском переулке. А дом на нынешней улице Богдана Хмельницкого, принадлежавший в прошлом Владимирскому собору, теперь превратился в пятизвездочную гостиницу...

Иногда религиозные общины, подобно частным лицам, даже брали для доходного строительства займы в кредитных учреждениях. Разумеется, это происходило лишь в тех случаях, когда конъюнктура цен на рынке недвижимости гарантировала успешное возвращение кредита. Для обоснования кредитов инициаторы составляли самые настоящие бизнес-проекты с расчетом будущих выгод, которые подавали на согласование епархиальному начальству.

Печальным уроком безответственного авантюризма в святом деле стала история нереализованного проекта высотной колокольни в Троицком монастыре, действующем и в наши дни (на территории Центрального ботанического сада имени Н. Гришко).

Монастырь был основан в 1866 году выдающимся православным подвижником, отцом Ионой (Ириниченко). Обитель часто называют Ионинской; святитель Иона ныне канонизирован. Он прославился своим благочестием и аскетической жизнью, а монастырь — суровостью устава. Многочисленные духовные чада стремились материально поддержать его, и монастырский комплекс разрастался довольно быстро. При таких обстоятельствах о. Иона задумал выстроить в обители высочайшую в стране колокольню. Чертежи ее выполнил в 1899 году академик архитектуры Владимир

Николаев. Проектная высота составляла около 110 м.

Нужно было, однако, получить согласование у духовного начальства: митрополита Киевского и Галицкого, а также благочинного киевских монастырей. Но благочинный был настоятелем Выдубецкого монастыря, а митрополит традиционно занимал должность священноархимандрита Киево-Печерской лавры. Эти две обители были ближайшими соседями Троицкого монастыря, и их братию смущало его бурное развитие.

После долгих проволочек, в 1903 году митрополит Флавиан все же дал согласие на строительство четырехъярусной колокольни, но с хитроумным условием: «... с тем, чтобы сначала были выстроены лишь два первых этажа, с устройством над ними временной крыши, и в первом этаже были устроены святые ворота, а во втором повешены колокола. Затем настоятель и братия должны изыскать средства и построить обширный соборный храм, архитектуру и размерами соответствующий проектированной колокольне, и только по окончании сего храма разрешить им окончить и постройку всей колокольни». Расчет митрополита легко понять. В результате такой резолюции Троицкая колокольня в обозримом будущем едва ли поднялась бы выше двух ярусов.

К тому времени о. Иона уже скончался. Его преемник на посту настоятеля иеромонах Мельхиседек решил не сдаваться. Немедленно состоялась закладка колокольни, началась работа над проектом собора. Но тут началась русско-японская война, потом вспыхнули революционные события 1905 года, и доходы с монастырских землевладений упали. К этим несчастьям добавились пожары, неурожай... Не желая бросать начатое дело, Мельхиседек вступил на скользкий путь.

Все финансовые операции обители надлежало фиксировать в особых книгах. Настоятель позволил себе игнорировать это правило. Он безотчетно держал у себя немалые суммы, переданные богомольцами «на вечное поминание», и использовал их для строительных нужд, иногда даже на свой страх и риск занимал деньги у частных лиц под большие проценты. Между тем митрополит пристально наблюдал за Троицкой обителью и однажды направил туда комиссию для финансовой ревизии. В результате монастырское хозяйство перешло фактически в режим санации.

Финансовые дела обители оказались настолько запутанными, что священник, руководивший комиссией, в отчаянии написал митрополиту: «Усиленные занятия по

обследованию хозяйственной части Киево-Троицкого монастыря вредно отразились на нервной моей системе, я стал страдать бессонницей, и, кроме того, явились головокружения, чего прежде у меня не было, а потому смиреннейше прошу Ваше Высокопреосвященство освободить меня от производства сего следственного дела». Когда ревизоры подвели итоги, обнаружилось основания привлечь настоятеля Мельхиседека (уже бывшего) к уголовной ответственности.

Но митрополит Флавиан сжалился над ним. В своем определении Консистория не без ехидства констатировала: «Если принять во внимание, что архимандрит Мельхиседек обучался лишь в двухклассном министерском училище и не изучал ни бухгалтерии, ни счетоводства, то многие неправильности в ведении им сложного и большого хозяйства Свято-Троицкого монастыря с многотысячными оборотами можно объяснить его невежеством, неподготовленностью и незнакомством с техникой ведения отчетности в столь сложном деле». В итоге о. Мельхиседека переместили в Соловецкую обитель, а строительство огромной колокольни уже не возобновлялось. Готовый первый ярус разобрали на кирпич в 1920-е годы.

Сооружение «инославных» (неправославных христианских) и «иноверческих» культовых зданий полностью финансировалось из внебюджетных средств — на общественные или частные пожертвования. Именно так в течение 1900-1909 годов возводили на Большой Васильковской улице католический костел Св. Николая под руководством зодчего Владислава Городецкого. Расходы на строительство монументального здания с высокими готическими шпилями были велики, но комитет по строительству костела опирался на поддержку большой католической общины, преимущественно поляков, которую возглавлял известный общественный деятель Леонгард Янковский. Строительный фонд периодически пополнялся взносами, поступающими от благотворителей. В общей сложности на костел собрали и израсходовали примерно полмиллиона рублей.

Тот же Городецкий выстроил молитвенный дом (кенасу) в мавританском оформлении для киевских караимов. Караимская община в Киеве едва ли превышала 200 человек, но среди них был богач-доброхот — табачный фабрикант Соломон Коген. Именно на его счет были отнесены расходы, связанные с приобретением земельного участка на Ярославовом Валу (35 тыс. руб.) и строительством кенасы (80 тыс. руб.). Собственно молельня (теперь Дом актера) заняла лишь часть караимской усадьбы; рядом на средства общины и с помощью займа в Киевском земельном банке был выстроен доходный дом.

Менее удачны были строительные дела у киевской мусульманской общины. Магометане с 1897 года пользовались молельней в небольшом приспособленном доме, но община надеялась на возведение в Киеве настоящей мечети — с минаретом и большим куполом, украшенным полумесяцем. Соответствующий проект, официально утвержденный в июне 1910 года, составил гражданский инженер Александр Феокритов. Муниципалитет предоставил мусульманам свободный участок городской земли по Гоголевской улице. Но смета предусматривала расходы в размере 38 908 руб. 35 коп., а в распоряжении общины было лишь несколько тысяч.

Киевские мусульмане надеялись на помощь состоятельных единоверцев из других регионов империи. Муллы Алимов и Жаббаров обратились за разрешением на повсеместный сбор пожертвований. Местный генерал-губернатор не возражал, но в Петербурге царские политики думали иначе. И разрешили собирать деньги лишь в границах Киева и губернии, где значительных пожертвований не предвиделось. Хуже всего было то, что городская власть отвела участок земли при условии: «Если к 1 января 1914 года не будет возведена мечеть и устроена при ней школа, означенный участок возвращается городу». Надеясь на чудо, мусульмане все же осуществили в октябре 1913 года закладку мечети. Но масштабный замысел так и остался на бумаге, и капитальная мечеть появилась в Киеве лишь на исходе XX века.

Кстати ...

Бывало и так, что денег у религиозной общины имелось достаточно, а со строительством были проблемы. Так вышло с Хоральной синагогой, возведение которой готов был принять на свой счет богатейший из киевлян — «сахарный король» Лазарь Бродский. Добиться у местных властей разрешения на реализацию эффективного проекта, разработанного гражданским инженером Георгием Шлейфером, удалось не сразу. В то время министр внутренних дел Иван Дурново дал команду не позволять киевским евреям строить молельни с явными признаками культового здания «ни в центральной части г. Киева, ни даже в отдаленных частях оно». Поэтому в декабре 1895 года губернское правление отказало просителям.

Однако выход из тупиковой ситуации был найден. Лазарь Бродский и киевский раввин Евсей Цуккерман обжаловали решение местной администрации в Сенате. К своему прошению они приложили проект бокового фасада (со стороны Рогнединской улицы). И резонно спросили: где же здесь признаки культового здания? Обыкновенный дом, в котором его владелец Бродский согласен разместить молельню.

Сенаторы взглянули на чертеж и развели руками. После чего (в апреле 1897 года) постановили: признать отказ Киевского губернского правления неправильным, разрешить Лазарю Бродскому построить здание и открыть в нем еврейский молитвенный дом. Местным властям оставалось только подчиниться.

[Галицкие контракты](#)